

ПАМЯТЬ РУССКИХ В БАНЯ-ЛУКЕ (ИЗ БИОГРАФИЙ)

© 2018 г. В.И. Косик

*Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН
E-mail: kosikviktor@mail.ru*

В статье обрисованы судьбы русских эмигрантов в провинциальной Баня-Луке, где нашли пристанище и бывшие военные, и лица гражданских специальностей. На обширном временном поле обрисованы труд и творчество русских изгнанников. Особняком стоят в тексте фигуры врачей, архитекторов, педагогов, военных. Особое внимание уделено русским и их позициям в годы Второй мировой войны.

The article depicts destinies of the Russian emigres in the provincial Banja Luka, where former military and civilians found shelter. Their work and creative activities are described over a wide time interval. Special attention is paid to doctors, architects, teachers and military men. It also deals with the Russian community's attitude to World War Two.

Ключевые слова: Баня-Лука, память, русские эмигранты, полиция, усташество, орден.

Keywords: Banja Luka, memory, Russian emigrants, police, Ustasha movement, orders.

DOI: 10.31857/S0869544X0000466-5

В XX в. ключевыми событиями были ликвидация Российской империи, Октябрьская революции 1917 г. с последующей Гражданской войной «белых» и «красных». «Красным» «досталась» Россия, «белым» — другие страны и роль беженцев. Одним из государств, согласившихся принять изгнанников, стало Королевство сербов, хорватов и словенцев (СКХС, с 1929 г. — Королевство Югославия).

Новые жители, примерно 20 тысяч, нашли здесь второй Дом и щедро расплатились за гостеприимство своими знаниями, рабочими руками.

Будучи своеобразным сколом с русского общества, эмиграция по своему социальному, имущественному, культурному, политическому составу была чрезвычайно пёстрой.

Немало было и инженеров, врачей, тех, кто трудился на педагогической ниве, и тех, кто зарабатывал на жизнь своими руками. Многие стали чиновниками в различных отраслях управления.

О русских беженцах написано уже много, особенно о людях искусства. Есть труды и о жизни в провинции. Здесь, прежде всего, надо назвать имя Алексея Арсеньева, автора многих трудов по истории русской эмиграции, например, «Самовари у равнины Руска емиграција у Војводини» («Самовары на равнине Русская эмиграция в Воеводине»), «Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине — 1990-е годы». Многие еще находятся в архивах и ждет своего исследователя.

Теперь немного истории появления статьи. В процессе поисков информации по русским беженцам на Балканах, мне в июне 2017 г. удалось связаться с директором Архива Республики Сербской Бояном Стойничем. Он, в свою очередь, любезно перенаправил меня ученому секретарю Зорану Мачкичу, давно занимавшемуся этой тематикой, опубликовавшего ряд работ. Именно результаты его многолетних поисков, связанных с выявлением русских имен на территории Республики Сербской, где почти сто лет тому назад были расселены русские беженцы, и послужили основой настоящего текста. Полученные сведения коллега З. Мачкич, знакомый с моими публикациями, уступил мне в надежде, что «материал будет в хороших руках, и он мне будет полезен». Безусловно, зная «историков-собственников», я воспринял это как широкий жест, щедрый подарок от чистого сердца, и надежду на публикацию.

Итак, «18 декабря 1920 г. из порта Груж через Мостар в Сараево прибыл поезд с 325 русскими, направленными в банялукский округ... Из этого числа 126 человек поселились в Баня-Луке...» [1]¹.

Безусловно, «цифра» всегда полезна и востребована исследователями в разных областях знания, особенно в истории. Однако первостепенное значение имеет сама «история». Именно она является «кладовой памяти». Но тут же можно прямо утверждать, что именно память служит своеобразным фундаментом или источником «истории». В сущности, здесь налицо органическое единство этих двух феноменов, благодаря чему происходит наращение исторического знания.

Большинство граждан приняли их с нескрываемым братским сочувствием, меньшинство — с опасением.

Значительную роль в жизни «банялукских русских» играли сама Русская колония и Комитет Русской матицы, которую без преувеличения можем считать сербско-русским объединением. Заместителем председателя Комитета Русской матицы стал торговец Любомир Димитриевич. В члены комитета входили торговцы Мичо Баслач и Саво Самарджия, протоиерей Душан Мачкич, преподавательница Марина Попович и инженер Милан Пухало. Несколько позже «банялукские русские» формируют и другие объединения, такие как «Русский сокол», общество филателистов, офицеров-артиллеристов. Довольно широко были представлены военные от генералов до рядовых. Причем в графе «образование» некоторые офицеры указывали окончание «военных академий» [1]. Здесь только могу заметить, что они, бывало, видимо рассчитывая на «хорошее место», вписывали, например, Николаевскую кавалерийскую академию или Одесскую военную академию, которых не было. При просмотре биографий беженцев

¹ Данные присланы ученым секретарем Архива З. Мачкичем.

ясно видно, что только единицы могли «устроиться» прилично. Тут же надо заметить, что большинство работали на контрактной основе или гонорарно. На постоянную работу брали тех, кто принимал подданство Королевства.

Немного яда: для того, чтобы уехать русскому, хотя бы на время, в другой город, нужно было в первые годы брать разрешение полиции. Одним словом: ordnung.

Здесь особо и останавливаться не надо. Но все же одна зарисовка из славянской Югославии. Вдова артиллерийского полковника, председателя отделения объединения русских офицеров в Баня-Луке Г.А. Заушкевича после его кончины осталась без средств, перебиваясь ручной работой, вышивкой монограмм и мелким ремонтом шитья. Позже шла от дома к дому, к кому-то на обед, к кому-то на ужин [1].

Но в целом русские на Балканах, в той же Баня-Луке обрели работу, уважение, дом...

В основном беженцы со споротыми офицерскими погонами шли в «шпаки-служащие» (писари, чиновники, учителя).

Но были и другие, выбиравшие службу в охранительных службах. Среди них выделялась фигура Н.Н. Богаевского, сына донского атамана, генерал-лейтенанта Николая Богаевского.

С мая 1919 г. до марта 1920 г. он воевал добровольцем, будучи в составе III Донского кадетского корпуса. В сражении с большевиками за Ростов-на-Дону был ранен штыком в правую ногу. Потом был английский колледж в Константинополе, шесть семестров факультета права Белградского университета. Затем — служба в органах Министерства внутренних дел. С 31 мая 1940 г. он уже служил шефом политического отделения Управления полиции в Баня-Луке.

После провозглашения Независимого государства Хорватия (НГХ) стал агентом Усташской надзорной службы (УНС) (Усташство — прогосударственная ультра националистическая организация, стержнем которой было антисербство). После войны — преподаватель в американской армейской школе языков в г. Монрее (позже переименован в Институт иностранных языков Министерства обороны).

Что еще? Талантливый поэт и писатель, актер, дирижер-хоровик и отличный преподаватель. В Институте основал русский хор, который прославился по всей Америке [1].

Другое известное имя — Александр Филиппович Черепов (1892, Шавли, совр. Шауляй, Ковенская губ., Литва — ок. 1946, Германия). После гитлеризма он учился на историко-филологическом факультете, занимался славистикой. В 1914 г. он дебютировал как актер в Самаре. Играл в «Эрмитаже», в труппах Мамонта Дальского, Владимира Лебедева, Александра Южина. После революции «гостил» во многих европейских странах. В апреле 1929 г. он с семьей прибыл в Белград.

Сам Черепов снискал шумный успех в Белграде, Загребе, Скопле, Цетинье, выступая с чтением стихов Есенина, Тагора, Пушкина, Блока, отрывков из «Идиота», «Братьев Карамазовых», «Вишневого сада». «Большой голос, сила звука, широта диапазона, бархатный тембр, переходящий,

когда надо, в могуче-раскатистый металл, классические дикции фразировки, филигранный чекан в каждом слове» [2], — вот это и было залогом отличного приема его слушателями.

Добавлю, что с первого взгляда очаровывал романтических натур, прежде всего представительниц прекрасного пола. Поэтому в Белграде он и получил прилипшее к нему прозвище «Распутин» [3].

И опять о «грозном» Черепове: его любили в театре, доказательством служат строки из актерского поздравления в связи с «театральными именинами» собрата по ремеслу: «Только Ваш талант, Ваша беззаветная любовь к Русскому театру, Ваша неутомимая энергия и вдумчивое отношение к взятой на себя задаче, — дали нам, русским актерам, оказавшимся в эмиграции, возможность работать в любимом деле и своими скромными силами помогать Вам в работе, основанной на прекрасных традициях старого Русского театра» [4].

В сезоне 1938/39 г. и с января по апрель 1941 г. он работал в Народном театре в Баня-Луке, где поставил свыше десяти пьес, в частности «Живой труп», «Преступление и наказание» [5. С. 136].

В апреле 1941 г. он уже режиссер в моравском Народном театре в Нише. В 1941–1943 гг. был директором труппы при Обществе русских сценических деятелей. По сведениям Ольги Маркович и Драганы Чолич, работал до середины 1944 г. в Отделении пропаганды, руководя Русской фольклорной группой артистов [5. С. 137].

После освобождения страны покинул Югославию. Умер в Германии в больнице для душевнобольных [5. С. 129–131].

Бывал в Баня-Луке и Верещагин Александр Александрович (1885, Москва — 1965, США), внук знаменитого художника, режиссер, актер.

Выступал на сценах театров в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве. После революций 1917 г. уехал на Кавказ, где короткое время был директором Русского театра. Оттуда дорога через Константинополь, Софию, Салоники привела его в КСХС. Последовали сцены в Белграде (1919–1920), Скопле (1920–1921), Сараево (1921–1922), Сплите (1922), Загребе (1923–1924). В столице Хорватии был известен и как наставник в Государственной школе актерского мастерства, где обучал на пьесах Чехова и Мольера. В 1934–1935 гг. работал в Баня-Луке режиссером в Народном театре Врбаской бановины.

После Второй мировой войны эмигрировал в США. Писал стихи, путевые заметки, драмы, сотрудничал в известных русских газетах и журналах. Внес значительный вклад в модернизацию банялукского театра.

Из театрального цеха можно назвать Ю. Дриженко (ок. 1912, Россия — конец 1944, Югославия), работавшего в 1940–1941 гг. в Баня-Луке сценографом и художником по костюмам. В 1941 г. после краха королевской Югославии и создания НГХ был вынужден покинуть Баня Луку. Нашел прибежище у родственника в Загребе. По приглашению режиссера Ферде Делака, работавшего в Хорватском государственном театре (до создания НГХ театр назывался Народный театр Врбаской бановины в Баня-Луке), возвратился в Баня-Луку, где участвовал в постановках в сезонах 1941–1943 гг.

Фотографии его инсценировок были напечатаны в журнале «Hrvatska pozornica» («Хорватская сцена»), №№ 31, 32 (1943/44) и в № 6 (1944/45). В 1944 г. ушел на свободную территорию.

Погиб в народно-освободительной борьбе с неприятелями.

Его дочь Светлана (в замужестве Плазович-Дриженко) подарила Народному театру Республики Сербской и городу Баня-Лука четыре картины своего отца. «Все эти полотна связаны с Баня-Лукой. Мне дорого, что город, который вдохновлял моего отца, принял его творения», — заявила она [1].

Из тех, кто радовал театралов своей игрой, назову актрису Ирину Петровну Астрову (в девичестве Астрецова) (1909, Владивосток — 1958, Шибеник) (мать — Ольга Степановна).

В 1927 г. Астрова завершила обучение в Мариинском Донском женском институте в Белой Церкви. Одно время изучала философию как историческую группу наук в Загребе, посещала театральную школу и некую музыкальную институцию.

В 1929 г. начала карьеру актрисы и певицы в Белградской оперетте. В 1930–1931 гг. играла в Народном театре в Новом Саде, в сезонах 1931–1932 г. и 1933–1934 г. — в Народном театре в Сараево, в 1934–1936 гг. — в Скопле (совр. Скопье), в 1936–1937 г. и 1939–1941 гг. — в Баня-Луке, в 1937–1939 гг. — в Осиеке, а также играла в Цетиње, Риеке, Тузле, Задре и др. городах. Наибольшим успехом пользовалась как певица.

На банялукской сцене сыграла замеченные критикой роли в опереттах и в спектаклях с пением. С 15 февраля 1941 г. жила и работала в Загребе. С мая 1944 г. входила в театральную труппу X корпуса Народно-освободительной армии Югославии. Наряду с успехом в сфере пения, получила известность как замечательная драматическая актриса, например, в роли Ольги в пьесе Д. Николаевича «Преко мртвих», Евы в пьесе М. Фельдмана «Професор Жич», Руже в пьесе О. Шайнпфлуговой «Између поноћи и зоре».

Не обошли своим вниманием Баня-Луку и русские архитекторы.

Первым из них следует назвать известнейшего Григория Ивановича Самойлова (08.09.1903, Таганрог — 15.10.1989, Белград).

Учась еще в художественной школе, он делал эскизы декораций к двум оперным спектаклям городского театра. В 1921 г. эмигрировал и продолжил обучение в Донском императора Александра III кадетском корпусе в г. Билеча, там Самойлов писал декорации, расписывал корпусной храм. В 1925 г. он поступил на архитектурное отделение технического факультета Белградского университета. Дипломной работой Самойлова стал изумительный по величественности и красоте проект «Югославский пантеон» (1930). Потом работал в ателье видного сербского архитектора Александра-Сашы Джорджевича, участвовал в подготовке таких проектов, как здание белградской биржи, вила промышленника В. Илича. В 1932 г. он был принят в альма-матер ассистентом по специальности «сербско-византийское зодчество». В 1933 г. Самойлов получил право на частную практику [6. С. 280; 7. С. 385]

В 1936 г. Самойлов был автором иконостаса и интерьера кафедрального храма в Баня-Луке.

Замечу, что в последующее время он создал с Джорджевичем проект Белого дворца на Дединье, который был реализован в 1935–1937 гг. Блестящее знание исторических стилей, талант добиваться органического сочетания композиции, пропорций, умение выбора оптимального пространственного решения — все это позволяло достичь успеха.

Его талант в послевоенное время проявился в работе над проектами таких зданий, как Академия наук (1949–1951), Югославский банк внешней торговли (1950–1963).

Не оставлял он и живописи как средства самовыражения. Под одним из рисунков Самойлов написал: «Рисуя, я фиксирую редкие минуты отдыха, причем, не стараюсь изменить свой почерк и не думаю о существующих направлениях, ибо последователь всегда последний» (цит. по [6. С. 284]).

Из русских зодчих назову еще несколько имен.

Цикаловский Борис Сергеевич (1934 или 16.02.1935, Билеча — 1992, Загреб). В 1961 г. закончил архитектурный факультет Загребского университета, некоторое время работал в организации «Проект» в Баня-Луке, успешно занимался живописью [1].

Федоров Николай Иванович (15.11.1895, Санкт-Петербург — 09.05.1940, Баня-Лука, похоронен в Земуне). Образование: в 1914 г. завершил восемь классов гимназии в Санкт-Петербурге. В 1927 г. завершил архитектурное отделение технического факультета Белградского университета. В 1930 г. приехал в Баня-Луку, жил на ул. воеводы Мишича, 8. Работал в техническом отделении Королевской банской управы Врбаской бановины (КБУВБ). Выполнял много больших проектов в духе новейшей архитектуры, среди которых самыми значительными были Хирургический павильон Бановинской больницы и достройка Гигиенического института. В 1930 г. разработал план по строительству комплекса Банских зданий. 5 мая 1931 г. он был назначен решением КБУВБ инспектором-наблюдателем во время строительства комплекса банских зданий, в августе 1939 г. проектировал здание низшей сельскохозяйственной школы в Дервенте. Его труд был отмечен орденом св. Савы V степени (1938) [1].

Александр Львович Мордвинов, руководитель и владелец архитектурного ателье в Баня-Луке. Сразу после освобождения страны восстановил здание городской гимназии, пострадавшей от бомбардировок союзнической коалиции (сведения взяты из [8])². Добавлю, что он был судьей на сеансе одновременной игры, дававшейся 1 мая 1935 г. А.А. Алехиным в Баня-Луке.

Александр Александрович Ершов (10.11.1893, Калиш, Польша — ?) получил высшее математическое образование в Санкт-Петербурге. В 1926 г., будучи уже в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, окончил инженерно-строительное отделение Технического факультета Загребского университета. С 22 августа 1935 г. по 3 декабря 1941 г. он работал в сфере проектирования и строительства объектов, связанных с водообеспечением в Баня-Луке [1].

² Эту книгу мне прислал русский историк, живущий в США, Р.В. Полчанинов.

Павел Витольдович Дидзинский (21.05.1897, Вильнюс — 11.12.1959, Загреб), выпускник инженерно-строительного отделения технического факультета Загребского университета. Трудился он в строительной фирме «Црнич». Дидзинский был известен как мастер игры в шахматы. В Бая-Луке был сравнительно короткое время, когда работал главным инженером на строительстве Банской Палаты, т. е. примерно с мая 1930 г. до осени 1931 г. После войны работал в Министерстве строительства в Загребе [1].

И, наконец, Михаил Александрович Медведев (13.03.1900, Мелитополь — 03.01.1984, Ниш), работы которого известны достаточно хорошо на архитектурном поле Югославии. Сразу следует отметить, что стиль «модерн» был введен в югославское градостроительство Медведевым вместе с несколькими сербскими и русскими коллегами-архитекторами, когда зодчество все еще не оставляло академизма. В городах Бая-Лука, Байна-Башта, Ниш по его проектам построен ряд мощных зданий, органично вписанных в городские застройки. Его архитектурное наследие и сейчас не потеряло своей ценности. Многие его объекты приобрели статус памятников культуры строительства и подлежат охране [9. С. 337–339].

В знак признания его трудов, автору свыше сотни общественных и частных построек, в Нише присвоено имя Александра Ивановича Медведева одному из бульваров.

Немного о жене Медведева — Ксении Петровне Белавенец (18.09.1905, Екатеринослав — 03.04. 2000, Ниш). Она родилась в семье морского офицера, знатока геральдики, вексиллолога Петра Ивановича Белавенеца. Ее мать Любовь Гавриловна (урожд. Харченко) окончила Московскую консерваторию по классу профессора П.А. Пабста. Сама Ксения Петровна, крестница императрицы Марии Феодоровны, окончила в 1932 г. архитектурное отделение Технического факультета Белградского университета. Ее первой самостоятельной работой стал выполненный в стиле «русской народной архитектуры» в 1934 г. проект охотничьего дома для короля Александра I в Боснии, возле Бая-Луки. С 1935 г. она работала вместе с мужем в его бюро. Много лет преподавала в Технической школе³.

Власть не выбирают: русские строили и в монархической Югославии, и в сателлите Германии Независимом государстве Хорватия, и в народной Югославии. Один неординарный пример: В.Б. Асатуров в годы войны строил в НГХ больницу для немцев в Баялуке и в то же время посылал продукты заключенным в баялуцкой тюрьме «Черный дом», поддерживал связь с коммунистами [1].

Обязательными здесь будут строки о скульпторе В.П. Загороднюке (31.03.1889, Одесса — 1976, Сидней), внесшим заметный вклад в искусство камня и резца на просторах Югославии. С 1910 по 1913 г. Владимир Павлович стажировался в Национальной парижской школе искусств, уделяя особое внимание скульптуре. Выставлялся Загороднюк в «Осеннем салоне». В годы Первой мировой войны художник воевал. В 1920 г., как и многие, он эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. В 1921 г. по рекомендации Леонида Браиловского, заинтересованного

³ Сообщение М.А. Медведева автору от 24 ноября 2009 г.

в создании мастерской, где выполнялись бы скульптурные элементы декорации из папье-маше, Загороднюк был принят в Народный театр в Белграде в качестве художника и сценографа. С сезона 1923–1924 г. он начал самостоятельную деятельность в качестве сценографа: сделал сценографию к 19 драмам и 12 операм. С ним ставили спектакли режиссеры Феофан Павловский, Михаил Исайлович, Александр Верещагин, Бранко Гавелла, Юрий Ракитин, Момчило Милошевич, Зденко Книтл, Иосип Кулунджич, Радивое Веснич, Эрик Хецел, Велимир Живоинович, Мирко Полич. Лучшие работы Загороднюка связаны с постановками Исайловича, например «Смерть матери Юговичей» Иво Войновича (1924). Сценография этой пьесы награждена золотой медалью в Париже на выставке декоративного искусства. Нужно отметить и его совместную работу с Бранко Гавеллой – «Лоэнгрин» Р. Вагнера (1926) и «Генрих IV» Л. Пиранделло (1927), сценография которых решена в манере от «реалистично-пластичной до фантастически театральной или условно стилизованной». В «Антигоне» и в «Юлии Цезаре» Загороднюк выступил и как художник по костюмам. С 1927 г. он много занимался как декоративной скульптурой в строительстве, так и памятниками.

Из его работ можно упомянуть Ипотечный банк в Баня-Луке. Так, вход в здание обозначен двумя бронзовыми фигурами мужчины и женщин, одетых в змианскую народную одежду, украшенную змианским орнаментом (техника вышивки, которой традиционно занимаются женщины в селах Змианья, что близ Баня-Луки. (Недавно змианский орнамент поставлен под защиту ЮНЕСКО). Вдоль всего фасада установлены декоративные междуоконные рельефы. Все рельефы, кроме главного над парадным входом, пострадали в 1969 г. во время землетрясения. При реставрации здания фигуры не были восстановлены [1].

И немного о просвещении.

Большое число русских продолжали и в эмиграции учить сербов. И не только: в годы Второй мировой войны партизаны «красного» Тито сражались со своими национально-политическими противниками – четниками, усташами, немцами. Когда территория бывшей Врбаской бановины вошла в границы Независимого государства Хорватия, известного своими гонениями на сербов, вплоть до уничтожения, многие русские педагоги помогали Народно-освободительному движению во главе с Тито.

Причем учили, судя по служебным характеристикам, в своем большинстве, отлично. Так, в официальном отзыве на Н.Г. Анциферову писалось, что любит свою профессию, работает безупречно, «тактична в применении дисциплинарных средств [...]». Полностью владеет государственным языком». Подчеркивалось, что она поддерживала постоянный контакт с крестьянками и вела с ними беседы по ведению домашнего хозяйства и ручного труда. Однако это не спасло ее от увольнения в октябре 1941 г. после подписания заявления о расовой принадлежности [1].

Еще одно имя: Никифорова Мария Григорьевна (31.01.1897, Мелитополь – ?) (в девичестве Мизина). В 1913 г. окончила Таврическую епархиальную женскую учительскую школу в Симферополе. С 1914 по 1920 г. работала учительницей в с. Юрьевка. В 1923 г., будучи в КСХС, снова

стала учить детей в разных городах и селах Королевства. С 23 августа 1938 г. до 30 ноября 1949 г. преподавала в г. Белая Церковь.

Вследствие того, что ее сыновья были некоторое время в армии Королевской Югославии, была уволена. Во время войны пережила арест. Была в концлагере в Бечкереке. После освобождения преподавала в начальной школе. С 1 до 31 марта 1951 г. преподавала на гонорарной основе русский язык в реальной мужской гимназии в Баня-Луке.

Кроме всего указанного, трудилась на курсах грамотности, курсах в инвалидских центрах, курсах для великовозрастных детей (во многих селах во время войны школы были закрыты. После освобождения 15-летние дети не могли быть записаны в начальную школу по возрасту). Была дирижером хора Антифашистского фронта женщин (АФЖ) и пионерского хора. Состояла в певческом обществе «Братство». Преподавала в Народном университете [1].

Был известен в Баня-Луке и Фирсов Алексей Тимофеевич (16.03.1893, м. Слоновка, Ново-Оскольский уезд, Курская губерния — ?) (мать — Краснова Анна). В 1952—1965 гг. работал в городской гимназии. Согласно имеющейся информации, в своей специальности Фирсов достиг хороших результатов. «В оценках справедлив, чем снискал любовь и уважение, педантен во всем, что ему поручается» [1].

Были востребованы и врачи. Медицина всегда обладает особой актуальностью, связанной напрямую со здоровьем, жизнью людей. Баня-Лука не была обделена отличными врачами. Представляю несколько биографий, редких по своему богатству.

Итак, вначале Аристархова Ольга Алексеевна, врач-бактериолог. В 1911 г. завершила образование в Санкт-Петербургском женском медицинском институте. Ученица профессора Д.К. Заболотного. В 1909—1910 гг. работала в Санкт-Петербургской городской лаборатории Петропавловской больницы. В 1912 г. участвовала в экспедиции Д.К. Заболотного по изучению эпидемии чумы на юго-востоке России. В 1915—1917 гг. работала старшим врачом военно-санитарного поезда Земского союза по транспортировке инфицированных солдат Западного фронта. По распоряжению Заболотного основала в Юрьеве лабораторию по обслуживанию больниц Северного фронта. С конца 1917 г. до 1919 г. работала в Центральном бактериологическом институте в Москве. Летом 1919 г. уехала на Украину, в начале зимы скрылась в Крыму. В Ялте сформировала бактериологическую лабораторию по обслуживанию госпиталей. Осенью 1920 г. эвакуирована в КСХС. В 1921 г. — бактериолог в государственном бактериологическом институте в Загребе. В 1922 г. — заведующая бактериологической станции в Субботице. В конце 1925 г. получила назначение в Баня-Луку, где также основала лабораторию и с 12 декабря 1925 г. исполняла обязанности заведующей постоянной бактериологической станции. В 1926—1929 гг. — бактериолог в Бургасе (Болгария). Отказалась принять болгарское подданство. В 1929 г. была освобождена от службы без права на трудоустройство в государственных институтах. Последовало возвращение в Югославию. С 8 февраля 1936 г. до 11 апреля 1937 г. работала бактериологом в Русском Красном кресте в Белграде. Автор ряда трудов на русском и французском языках [1].

Теперь Комарницкая Наталия Михайловна (12.10.1906, Одесса — 24.02.1943, Баня-Лука), акушерка. В 1920 г. окончила шесть классов семи-классной женской гимназии Белен-де-Баллю в Одессе. Гимназическое образование завершила уже в КСХС. В 1935 г. окончила с отличными результатами Королевскую школу акушеров в Белграде. С 12 февраля 1935 г. официально получила право работать акушеркой. С 1 мая того же года и дальше — была в штате в Бановинской больнице в Баня-Луке. С ее помощью увидели свет и вдохнули воздух Баня-Луки многие его жители [1].

И, наконец, Нагорный Михаил Максимович (05.06.1892, Зеньков, Украина — 14.08.1983, Сараево) (мать — Мария Григорьевна).

В 1912 г. окончил Третью классическую гимназию в Киеве, в 1917 г. — медицинский факультет Императорского университета св. Владимира в Киеве, с 5 мая 1917 г. до 20 июля 1918 г. проходил стажировку (кожные и венерические болезни) в соответствующей клинике в Гельсингфорсе. 1 октября 1926 г. нострифицировал диплом в Белграде. В Первой мировой и Гражданской войнах работал врачом на Балтийском и Черноморском флотах. В конце декабря 1920 г. с армией генерала П.Н. Врангеля покинул Россию. Прибыл в КСХС на корабле «Румянцев».

Работал врачом в самых различных местах: от эпидемиолога в 1921 г. в Санском Мосте до шефа отделения венерических заболеваний в 1938 г. в Врбаской военной больнице, от службы на флоте КСХС (1926–1938) до последующего назначения в сухопутные войска, где проработал до 1941 г.

В 1930-х годах имел в Баня-Луке для приема пациентов свой кабинет на ул. Прерадовича, 39. Тогда М.М. Нагорный был единственным специалистом по кожным и венерическим заболеваниям в Врбаской бановине. Автор научных трудов, опубликованных в 1931 г. в «Војно-санитатском гласнике» («Военно-санитарном вестнике»). В том же году изобрел аппарат для взятия крови, запатентованный в Белграде в соответствующей ин-ституции.

Во время Второй мировой войны был призван в армию Королевства Югославия, после создания НГХ служил с перерывами в Баня-Луке врачом до начала 1944 г. После войны трудился врачом кожно-венерологического отделения Окружной больницы в Баня-Луке. Затем, в середине 1947 г. стал работать референтом по здравоохранению в уездном народном комитете Баня Луки, властями которого характеризовался весьма неблагоприятно. В 1947 г. его характеризовали так: «К народно-освободительному движению относился полностью спекулянтски, да и сейчас по отношению к новой Югославии [...]. Специалист хороший [...]. К работе и посетителям относится совсем по-бюрократски. С посетителями очень дерзок [...]. Не чувствует ответственности перед важными и неотложными задачами [...]. К вышестоящим, т.е. к властям, относился “пренебрежительно”. Любит дискутировать по директивам, которые получает от членов комитета, считая эти приказы неправильными, а самих членов комитета незнайками» [1].

И еще одна судьба: Г.И. Елатанцев. Вначале, по приезде в КСХС, зарабатывал на жизнь физическим трудом, продажей газет, работой в книжном магазине, горнорабочим в шахте в Заечаре.

После получения медицинского образования трудился врачом в ряде мест, например, в той же Баня-Луке.

В июне 1950 г. благодаря настояниям Министерства здравоохранения, Елатанцеву было возвращено гражданство, которого он был лишен как русский в связи с «делом Информбюро», возникшим в 1948 г. в связи с обострением политических отношений между Сталиным и Тито. Его труд был отмечен рядом наград, среди них: Орден за заслуги перед народом с серебряной звездой (1966), медаль Красного Креста Югославии (1955).

Будучи пенсионером, написал мемуары под названием «Былое», жизнеописание своих родителей, «Повесть козака» и «Дикое поле» (старинное название пространства между Волгой и Доном), где описывал историю и природу своей родины. Занимался фотографией, играл на мандолине и на русской гитаре [1].

Из «романтических» профессий назову летную, где тоже были русские и были свои герои. Авиатор Аркадий Попов служил на аэродроме в Залужанах, близ Баня-Луки. Установил связь с партизанами, оказывал информационную помощь. В октябре 1943 г. перелетел самолетом «Бреге» в союзническую базу в Италии. 22 апреля 1944 г. на итальянском аэродроме Бенина (близ Бенгази) была сформирована I истребительная эскадрилья Народно-освободительного войска Югославии (НОВЮ) с 16 спитфайерами. Эскадрилья вошла в состав Королевских (британских) военно-воздушных сил (Royal Air Force). В нее входили летчики Первой авиационной базы и группа авиаторов бывшей югославской авиации, которые в Африке выступили в поддержку Народно-освободительного движения. Туда вошел и майор Попов, командовавший звеном спитфайеров. Был сбит над небольшим курортным местечком Слано, близ Дубровника.

Судя по воспоминаниям, он «хотя и происходил из донских казаков, но был и остался искренним югославом. Любил и своих земляков русских, но был очень разочарован от первой с ними встречи. А именно, при встрече с группой советских летчиков в Бари, они отказались разговаривать с ним, когда услышали, что Аркадий Рус (так в тексте — *В.К.*) — эмигрант. В одном из нападений на вражескую колонну на дороге Госпич — Оточац Аркадий в присутствии союзнического офицера в высоком чине, желавшего видеть, как мы боремся и почему часто гибнем, совершил четыре вылета, хотя колонна хорошо охранялась» [1]. Имя его вошло в историю борьбы за освобождение Югославии.

Многие русские сражались на различных фронтах Второй мировой войны и по разным сторонам.

Офицер В.А. Мальгин, живший некоторое время в Баня-Луке, храбро воевал в 1941–1942 гг. на Восточном фронте в составе 369-го хорватского пехотного полка. Был отмечен наградами, в частности, получил Железный крест II степени [1].

Инженер Георгий Дмитриевич Пестроцкий (Петроцкий?) (15.09.1909, Челябинск — ?) в середине 1942 г. вступил в Народно-освободительную армию. Капитан ОЗН (Отделение защиты народа) (контрразведки) V корпуса. В 1945 г. перемещен в Сараево для работы в той же сфере. Заместитель политического комиссара 4-го батальона 7-й краишкой бригады. 21 января 1947 г. был награжден Орденом за заслуги перед народом II степени [1].

По сути дела, история русских в Баня-Луке была характерной для многих других городов Югославии, где жили изгнанники из России. Были определенные трудности в обустройстве для тех, кто не обладал «ходовой» специальностью, в их жизнь нередко «вмешивалась» политика, разводявшая, бывало, по разные стороны «баррикад». Одно несомненно: профессионализм позволял новым жителям Баня-Луки завоевать уважение ее населения и оставить о себе благодарную память.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Архив Републике Српске у Бањалуци.
2. Новое время. 1929. 07 VI.
3. Beloemigracija u Jugoslaviji // Arhiv Republike Slovenije. AS 1931. Republiški sekretariat za notranje zadele. A.Š. 1053. S. 225.
4. Архив А.Ф. Черепова (Музеј позоришне уметности Србије).
5. Марковић О., Чолић Д. Александр Черепов и «Руско Драмско Позориште за Народ» // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. В 2 т. Београд, 1994. Т. II.
6. Милованович М. Архитектор Григорий Самойлов // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
7. Просен М. Творчество архитектора Григория Ивановича Самойлова // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья. СПб., 2008.
8. Mackić Z. «Banjalučki šahovski klub – Spomenica 1926–1941».
9. Медведев М.А. Архитектор Александр Медведев и его роль в зарождении архитектуры модернизма в Сербии в 1930-х гг. // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья, СПб., 2008.